

© 2006 г. Г.А. ЗОЛотова

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ГРАММАТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Грамматическая наука на переходном этапе своего развития стремится осознать систему языка как средство выражения смысла, поднимаясь от морфологических опор на уровне предложения и текста, обнаруживая в них информацию об интенциях говорящего, о его видении мира, об отношениях между людьми. Статья знакомит читателей с рядом понятий, разработанных на этом пути “Коммуникативной грамматикой”, опирающихся на тройственный принцип взаимодействия значения, функции и формы, от первичной синтаксической единицы синтаксемы до композиционных составляющих текста.

1. Грамматическая наука переживает в последние десятилетия переходный этап, в поисках новых проблем, новых решений, новых направлений. Все мы ощущаем в большей или меньшей мере неудовлетворенность традиционной школьно-вузовской грамматикой, которая формирует видение языка на протяжении ряда поколений.

Но плодотворными эти поиски могут быть в той мере, в какой мы осмысливаем несоответствия между сложившимися стандартизированными понятиями и реальной системой языка. Она не дана нам в прямом наблюдении, мы по мере своего научного движения понемногу приближаемся к постижению ее. На этом пути важно обнаружить и выявить те точки отсчета, те слабые звенья в наших представлениях, которые оказываются не адекватными структуре материала и требуют дальнейшего обсуждения и решения.

Суть происходящих в языкознании изменений, можно думать, заключается в смене власти. Не власти людей, а власти привычных представлений. Лингвистика, грамматика жили под диктатом морфологии. Компоненты предложения определялись по падежной форме, независимо от их структурной и смысловой роли. Важнейшие для организации высказывания видо-временные формы глагола скрупулезно разбирались на части, детали, именовались, и это была вершина анализа. Падежи, флексии, суффиксы, префиксы – разумеется, необходимая ступень знания. Но это только фундамент – без дома, в котором люди живут, мыслят, общаются посредством языка.

Архитектуру лингвистического здания лучше всех представлял еще с 20–30-х годов В.В. Виноградов, опираясь на все ценное в трудах своих предшественников и, конечно, на свое исключительное чувство языка и талант филологического анализа. Сила виноградовского дара была в том, что для него и в грамматике, и в стилистике, и в поэтике реализовывались многообразные смысловые качества и возможности единой системы русского языка.

Признание семантики как неотъемлемой и, очевидно, главной компоненты лингвистического исследования, интерес к тексту, письменному и устному, как способу осуществления и существования языка, интерес к говорящей личности – все это пришло и постепенно укреплялось в широких научных кругах во второй половине XX века.

Обозревая лингвистическую деятельность нескольких десятилетий, ее направления, преходящие увлечения, ответвления, думаю, можно утверждать, что виноградовское понимание языка, его идеи остаются самыми богатыми и перспективными. Опора на его учение, на диалог между материалом и его трактовкой позволяют в общем поступательном движении лингвистики, русистики выявлять вопросы решаемые и нерешенные.

Может быть, именно в грамматическом учении (при широком его понимании) проблем, требующих осмысления и обсуждения, накопилось больше. Вероятно, почтенный

возраст устойчивых грамматических представлений, воспроизводимых бесконечно из учебника в учебник, укрепляет их авторитетность и исключает допустимость каких бы то ни было сомнений. Но сомнения накапливаются. О них и о возможностях их разрешения и предстоит говорить.

2. Не перестает дискутироваться вопрос о соотношении языка и речи. Конечно, речь первична как способ общения людей. Язык – система средств реализации, осуществления речи, но стоило бы уточнить это определение так: язык на разных этапах познания – это отражение наших представлений, наши попытки представить их системно, поступательно приближающиеся к объекту.

Естественно, для познания нужны методологические опоры, в свою очередь терминологизованные. На смену двустороннему критерию языковых единиц **форма/значение** предложен более надежный критерий с вершинами **значение, функция, форма**, с более четким определением самих понятий. **Значение** – категориальный и индивидуальный смысл слова, предложения и других значимых единиц языка. **Функция** – его конструктивные возможности как части целого в построении речи. **Форма** – служебные средства, главным образом морфологические, предназначенные маркировать эти функции.

Соотношение значения, функции, формы примерно соответствует соотношению семантики, синтаксиса и морфологии. Важно при этом не разделение “уровней” (ведь по отдельности они не существуют), а их необходимое для реализации взаимодействие. На основе этого взаимодействия выявлена минимальная синтаксическая единица – **синтаксема** (“Очерк функционального синтаксиса” 1973/2005 гг.); система русских синтаксем с разнообразными литературными иллюстрациями представлена в “Синтаксическом словаре” 1988/2001 гг.

3. Минимальная речевая единица – **предложение**. Возникает необходимость уточнить, упорядочить некоторые сложившиеся представления о структуре, типологии и приемах анализа предложений.

Привычный школьно-вузовский “разбор предложения” тоже морфологизован: в разных структурах подлежащее должно отвечать на вопрос: **кто-что?**, на вопросы косвенных падежей – дополнения и обстоятельства. Нередко получается, что такой разбор ведет к бессмысленности предложения. Например, в пушкинской строке *В нем только лень и непокорство* (отец о Тазите) найдем подлежащее: **кто-что?** – *лень и непокорство*, **в ком-чем?** – *в нем*, дополнение или обстоятельство (тоже граница не ясна), но смысл пропал. Ведь понятно, что высказывание – о лице и его признаках, что это синтаксический синоним модели: *Он ленивый и непокорный*, и *в нем*, как и *он* – субъект, носитель признака, а *лень и непокорство* – предикативные признаки. Но при школьном разборе получаем абсурдный результат.

Важным шагом вперед в развитии грамматического знания во второй половине XX века стал выход в текст, за рамки отдельно взятого предложения, в естественную речевую среду его существования, не ограничивающую мысль рамками от точки до точки. Это позволило увидеть и более надежные основания для классификации предложений.

Оказывается несостоятельным исходное деление предложений на односоставные и двусоставные. Это подход по принципу поверхностной констатации: вижу дерево – говорю: *Дерево*; вижу два дерева – говорю: *Два дерева*. Но предложение рождается только из соединения предиката с субъектом, приписывания предикативного признака его носителю. Однословные предложения – не односоставны. В них назван глагольный или именной предикативный признак, а субъект – носитель его, личный или предметный, очевиден из контекста, иначе бы предложение не состоялось. Еще А.А. Потембин писал: “Личный глагол в славянском, как и в латинском, греческом, есть *полное предложение* само по себе, без отдельно стоящего местоимения, т.е. независимо от ученого анализа для обыкновенного сознания обнаруживает двойственность своего состава, указывая на отношение действия к лицу” (“Из записок по русской грамматике”, М., 1968. Т. 3: 81).

Односоставными обычно называют предложения, сообщающие а) о состоянии среды, места, погоды и б) о состоянии лица, живого существа.

(а) *В ущелье* мгла и дым (Лермонтов); *На дворе* темно и холодно, *на море* буря, но в *рыбачьей хижине* тепло и уютно (Л. Толстой); *Полдень*; *на дворе* солнечно, весело (Чехов); *Ночь*. *Ледяная рябь* канала... (Блок); *В спальне* был полумрак (М. Булгаков); *Тишина была за окном* (Тынянов); *За окном зима, А где-то Жаркое Сухое Лето* (Р. Сеф).

(б) *Мне не спится* (Пушкин); *Ему и больно и смешно* (Пушкин); *На сем лице* лишь гнева след... (Пушкин); – *Тебя знобит*, что ли? – *Прежде знобило, а теперь...* теперь жар (Чехов); *От мокрой одежды* познабливало (Ф. Искандер); *И у меня* даже ненависть к нему появилась (В. Драгунский).

Понятно, что в предложениях такого типа именно названная или неназванная среда, место нахождения наблюдателя, воспринимающего окружающее (а), либо лицо, испытывающее состояние (б), характеризуется предикативно, т.е. служит предиктируемым субъектом, или, по школьной терминологии, подлежащим. При неназванности субъекта, незанятости его места (*познабливало – кого? – меня, рассказчика*) перед нами возмещаемая контекстом неполнота двусоставного предложения, и винительный падеж здесь признак не объекта, а одной из форм субъекта состояния.

Следует заметить, что на перепутье между заморфологизованным синтаксисом и семантическими веяниями некоторые авторы стали противопоставлять в структуре предложения синонимичные термины “подлежащее” и “субъект”, разнося их по “уровням” или как-то иначе. Подобное раздробление сущности компонентов предложения, служащих его коммуникативному назначению именно неразрывностью своей семантики, функции и формы, без надобности перегружает терминологию и обесмысливает анализ.

Итак, и предложения с неноминативным субъектом, при разнообразных, но регламентированных грамматикой его формах, организуются предикативными отношениями между этим субъектом и приписываемым ему в коммуникативном акте признаком. Подтверждением их предикативной связи служит наличие парадигмы – способности изменяться по предикативным категориям времени, лица и наклонения (не без определенных ограничений):

На дворе солнечно, было солнечно, будет солнечно, было бы солнечно... *За окном зима, была, будет, была бы зима...*; *Ему смешно, было смешно, будет смешно, было бы смешно...*; *Мне, тебе, нам, вам, им смешно...* *Ему, мне, тебе не спится, не спалось...*

Ограничения в предикативной парадигме объяснимы.

У пространственного, локативного субъекта предложений группы (а) нет вариантов лица, он представляет только 3-е лицо.

Субъект группы (б) предстает в разных лицах и числах. Но лексически состояния бывают внутренними, индивидуальными. Возможно *Всем смешно* (Е. Шварц); *...Няня, я тоскую, Мне тошно, милая моя!* (Пушкин), но мало вероятно *Всем больно, Их знобит, Все тоскуют, Нам тошно, У нас жар* и т. п.

Кроме того, в моделях группы (а) и группы (б) речь идет не о действиях, а о состояниях (природы или лица), не зависимых от воли субъекта, **инволютивных**. Поэтому в их парадигмах обычно не участвует императив, повелительное наклонение (разве только в волшебных сказках).

4. Это наблюдение подводит нас к следующему важному вопросу. На какой же основе должна строиться типология, классификация предложений, если мы отказываемся от критерия двусоставности/односоставности?

Ответ может быть самым простым и естественным. Для чего человеку дана речь? Для передачи смысла. На смысловой основе стоит разграничение частей речи: для существительного – это категориальное значение предмета, предметности, для глагола – действия, акциональности, для категории состояния, или статива, – состояния, для прилагательного – качества, для числительного – количества. Правда, обычно учебники без разбора подводят под понятие предмета, предметности и дом, и камень, цветок, ученика, с одной стороны, и ходьбу, прыжки, сон, белизну, строгость и подобные, отнюдь не предметные слова – с другой; под понятие действия – и *работает, бежит, читает*, но и *краснеет, спит, устает* – совсем не действия. В моих работах предложены для разграничения этих подклассов термины “изосемичность”/“неизосемичность”.

мичность”: изосемичность – соответствие значения слова категориальному значению его части речи, неизосемичность – несоответствие.

Резонно полагать, что основные категориальные значения предикатов – изосемичные – и держат на себе естественную систему предложений.

Центральных синтаксических моделей пять, со следующими типовыми значениями:

Субъект и его действие – *Брат пишет*;

Субъект и его состояние – *Брату весело*;

Субъект и его качество – *Брат добрый*;

Субъект и его количество – *Братьев четверо*.

Пятая из центральных моделей – с типовым значением “Субъект и его квалификация” – *Брат – учитель, Волк – хищник*.

Тут есть некоторая непоследовательность. В примере *Учитель раскрыл книгу* существительное *учитель* употреблено в лично-предметном, изосемическом значении. Но предикаты *учитель*, *хищник* и под. не собственно предметные имена, они характеризуют субъект по признаку принадлежности к роду, к классу, таким образом оказываются именами с признаковым значением. Роль в языке и структура этой, пятой модели все-таки позволяют отнести ее к центральным.

Неизосемичные слова отнесены к частям речи по морфологическим показателям, но сохраняют семантику своих родителей (*ходьба* – от *ходить*, *белизна* – от *белый*, *простота* – от *простой* и т.п.), и потому синтаксически они выполняют признаковые, а не предметные функции, пополняя синонимические средства выражения типового значения: *ремонтит квартиру – занимается ремонтом квартиры, вышивает – занимается вышиванием, по утрам бежит – занимается спортивным бегом, беседует с поступающими – проводит беседу с поступающими* и т.п.

Синонимические модели группируются вокруг центральных, предоставляя говорящим выбор возможностей, соответствующих условиям и способам общения.

5. Предлагаемая классификация не только возвращает смысл грамматическим рубрикам, но и привлекает внимание к еще некоторым, значимым свойствам наблюдаемых объектов. Принято, например, отмечать морфологическое согласование между подлежащим и сказуемым (хотя оно далеко не всем моделям предложений свойственно, при обязательности для всех моделей предикативной связи). Существенен и категориально-семантический характер соединяющихся субъекта и предиката. Действие, выраженное акциональным глаголом либо девербативом, совершается человеком или живым существом. Если мы говорим *Идет трамвай, поезд; Работает мотор, пылесос* и т. п., эти привычные обороты речи реально все равно означают, что человек включает механизм, управляет им. Акциональный предикат предполагает участие воли, намеренность, волюнтивность акта. Соотношение категорий **волюнтивности/инволюнтивности** проявляется в ряде языковых закономерностей.

Неслучайно, при разнообразии падежных форм обозначения субъекта, собственно акциональный предикат требует субъекта в именительном. Ср. ряд примеров с субъектами во всех падежах:

Им. пад. *Он* читает лекцию; *Он* ведет репетицию; *Он* экзаменует.

Род. пад. *У него* (сегодня, сейчас) лекция, репетиция, экзамен.

Дат. пад. *Ему* не пишется, не работается, нездоровится.

Вин. пад. *Его* знобит, лихорадит, подмывает уйти.

Тв. пад. *Им* прочитана лекция, проведены экзамены.

Предл. пад. *На нем* ответственность... *В нем* доброта и приветливость.

Сохраняющий акциональное значение синонимический вариант *У него лекция* оставляет неясным меру активности субъекта: читает лекцию или слушает, проводит репетицию или участвует, может быть – присутствует; даже темпоратив *сейчас* допускает как актуальное значение действия (*идет его лекция*), так и ближайшее будущее (*скоро начнется его лекция*).

Разумеется, не всякое предложение с личным субъектом в именительном пад. и глагольным предикатом сообщает о действии. Различаются глаголы акциональные, во-

люнтивные, обозначающие активное действие лица (физическое или умственное), связанное с волевым, сознательным намерением: *бежит, работает, пишет, пашет, думает, всматривается, изучает, добывает, догоняет, подметает, зовет, поет* и неакциональные, инволюнтивные, стативные: *спит, дремлет, волнуется, расстраивается, заболевает, плачет, краснеет, смущается, мерзнет* и под. К инволюнтивным относится и группа глаголов, не означающих ни намеренного действия, ни собственно состояния, их называют акцидентными или глаголами с перфективной семантикой: *упал, сломал ногу, заблудился, обознался, споткнулся, уронил, потерял* и под. Это – случившееся, происшедшее с субъектом независимо от его воли.

В парах предложений, противопоставленных по **ВОЛОНТИВНОСТИ/ИНВОЛОНТИВНОСТИ**, с близкими значениями глаголов, волонтивная модель допускает только именительный падеж субъекта, при вариативности форм стихийного субъекта:

Вьюга замела дорогу
Вьюгой замело дорогу
Шквал свалил дерево
Шквалом свалило дерево
Молния зажгла амбар
Молнией зажгло амбар

Дворничиха размела дорогу
* не: Дворничихой размело...
Лесоруб свалил дерево
* не: Лесорубом свалило ...
Хозяйка зажгла фонарь
* не: Хозяйкой зажгло...

Темпоральная функция инволюнтивного предиката – перфективная – постфактумная констатация последствий; в волонтивных примерах предикат может быть и перфективным, сообщать о результате действия, и аористивным – об одном из последовательного ряда наблюдаемых (кем? – говорящим, рассказчиком, персонажем) действий (*принесла фонарь, нашла спички, зажгла и осветила гостью у крыльца*).

6. Фигура говорящего или, более точно и глубоко – по В.В. Виноградову – “образ автора”, раздвигает границы грамматического анализа, обращает нас к его филологической сущности. Все больше исследователей интересуются не составом предложения от точки до точки, а реальной жизнью его в речи, в тексте. Под текстом можно понимать и целые произведения, художественные и все прочие, но и связанные фрагменты устной и письменной речи.

Жизнь языка в тексте, наше умение ее понять и объяснить служит лучшим критерием оправданности и необходимости исследовательских усилий.

В “Коммуникативной грамматике” (М., 1-е изд. 1998; 2-е изд. 2004), в статьях и диссертациях продолжателей ее идей текст рассматривается как объект высшей ступени грамматического анализа, к которой последовательно подводит путь от минимальной синтаксической единицы – синтаксемы. В тексте функционируют все средства языка, и в анализе его работают – с разным коэффициентом полезного действия – все накопленные лингвистикой знания. Текст как объект изучения выдвигает и свои задачи: что и по каким критериям считать единицами текста, каковы разновидности этих единиц, каковы способы их соединения в целое, композиционные закономерности в разных жанрах и стилях и др.

Предложено понятие “коммуникативных регистров речи” для обозначения структурно-композиционных составляющих текста. Основой для их выявления стали идеи В.В. Виноградова об образе автора и о четырех текстовых функциях видо-временных форм глагола, определяющих в разных комбинациях темпоральную структуру текста: это динамический аорист, результативный перфект и два имперфекта, процессуальный и качественно-описательный. Эти чрезвычайно продуктивные понятия оказались применимы не только к глаголам, но ко всем предикатам, и неглагольным тоже. А позицией “автора”, рассказчика, наблюдателя по отношению к событиям (соприсутствие или дистанцированность) и соответственно способом восприятия – сенсорным или ментальным – обусловлено системное использование текстовых средств в организации композиции.

Напомним, что разграничены пять коммуникативных регистров:

1) в репродуктивном (или изобразительном) регистре говорящий рассказывает о наблюдаемом, находясь или воображая себя в хронотопе происходящего;

2) в информативном регистре говорящий дистанцирован от происшедшего во времени и пространстве, он сообщает не о наблюдаемом, а об известном ему;

оба этих регистра реализуются в двух разновидностях – повествовательной и описательной;

3) в генеритивном регистре говорящий формулирует или цитирует обобщающие высказывания, темпоральное значение которых выходит за событийные рамки данного текста;

4) в волюнтивном регистре говорящий побуждает адресата к действию;

5) в реактивном регистре говорящий выражает эмоционально-оценочную реакцию на происходящее или услышанное.

Связи между единицами, частями текста осуществляются не просто союзами, местоимениями, повторами слов, что было многократно описано. Выявлена текстовая категория таксиса. Она была замечена Р. Якобсоном и потом А.В. Бондарко как отношения последовательности/одновременности между глаголом – с одной стороны, и деепричастием, а затем и прочими обособленными компонентами – с другой. Позже выяснилось, что таксисные отношения по линии всех предикативных категорий – не только времени, но и лица и модальности – реализуют связь и между всеми предикативными единицами текста, и между регистровыми композитивами.

Далее представлю несколько примеров анализа регистрового состава и темпоральных функций предикативных компонентов в литературных текстах.

Отрывок из “Мастера и Маргариты” М. Булгакова располагаю произвольно для удобства характеристик:

Скользнув к третьему этажу, Маргарита заглянула в крайнее окно, занавешенное легонькой темной шторкой.

В комнате горела слабенькая лампочка под колпачком. В маленькой кровати с сеточными боками сидел мальчик лет четырех и испуганно прислушивался.

Взрослых никого не было в комнате.

Очевидно, все выбежали из квартиры.

– Стекла бьют, –

проговорил мальчик и позвал:

– Мама!

Никто не отозвался,

и тогда он сказал:

– Мама,

я боюсь.

Маргарита откинула шторку и влетела в окно...

– Не бойся, не бойся, маленький, –

сказала Маргарита... –

это мальчишки стекла били...

– Это Ситник, –

сказал мальчик, –

у него есть рогатка.

– Ну, конечно, он!

Репрод.-повеств. регистр, функция предикатов – аористивы.

Репрод.-описат., перфектив.

Репрод.-описат., имперфективы.

Информ.-повеств., перфектив.

Информ.-повеств., имперфектив

Репрод.-повеств., аористивы.

Волюнтивный регистр.

Репрод.-повеств., перфектив.

Репрод.-повеств., аористив.

Волюнтивный.

Информ.-описат., имперфектив.

Репрод.-повеств., аористивы.

Волюнтивный, имперфективы.

Репрод.-повеств., аористив.

Информ.-повеств., имперфектив.

Информ.-повеств.

Репрод.-повеств., аористив.

Информ.-описат.

Реактивный.

В рассмотренном отрывке наглядны различия в регистровом составе между монологической и диалогической частями: единообразие в монологе, дробность чередования регистров в диалоге, а также смена перцепторов, с чьей точки зрения воспринимается происходящее.

Схожие по школьной грамматике типы предложений – “односоставные”, “номинативные”, неполные – в разных текстах используются в различных композиционно-коммуникативных целях. Сопоставим фрагменты:

(1) *Палатки. Гвалт. Платки девчат.*

Хохочут. Сдачею стучат.

Ножи и вырезок тузы...

(А. Вознесенский. Торгуют арбузами)

(2) *Дождь, притаившись за моей спиной,*

дышал в затылок жалко и щекотно.

Шаги – глазок – молчание – щеколда...

(Б. Ахмадулина. Сказка о дожде)

(3) *Поздняя осень, ранние заморозки, Петровский*

парк, красные листья, седая земля

(М. Цветаева).

В примере (1) – звуковые и зримые штрихи беглого впечатления прохожего от городского летнего базара; строки – репродуктивно-описательного регистра.

Ряд существительных в строке примера (2), с чередованием девербативных и “предметных” имен, еще и разделенных знаками тире, прямо или метонимически, через орудийное значение, называющих последовательные действия, передает напряженное ожидание по одну и другую сторону двери, как бы предчувствие бедственных последствий. Фрагмент – репродуктивно-повествовательного типа.

В примере (3) набор выразительных признаков экспозиционно характеризует место и время действия; мн. число *заморозков* выдает дистанцированность автора от примет, не прямо наблюдаемых, а воспроизводимых, обобщаемых памятью. Поэтому регистр информативно-описательный.

В стихотворении Ф.И. Тютчева (1851 г.) рассмотрим регистровую структуру целого текста:

Смотри, как на речном просторе,

Волюнтивный.

По склону вновь оживших вод,

Репродуктивный.

Во всеобъемлющее море

За льдиной льдина вслед плывет.

На солнце ль радужно блистая,

Информативный.

Иль ночью в поздней темноте,

Но все, неизбежимо тая,

Они плывут к одной мете.

Все вместе – малые, большие,

Информативный.

Утратив прежний образ свой,

Все – безразличны, как стихия, –

Сольются с бездной роковой!..

О, нашей мысли обольщение,
Ты, человеческое я,
Не таково ль твое значение,
Не такова ль судьба твоя?

Генеритивный.

Стихотворение начинается с волюнтивного призыва к собеседнику (спутнице) вместе наблюдать картину ледохода, репродуктивное изображение которого в хронотопе происходящего и составляет содержание первого четверостишия. Настоящее время во втором четверостишии меняет свой текстовый смысл: *на солнце ль... иль ночью...* – круглые сутки, итеративно и постоянно льдины плывут к морю. Об этом, не наблюдаемом, а известном движении сообщает информативный регистр. В третьем четверостишии, остающемся в рамках информативного регистра, – следующий этап знания: мысль постигает будущую судьбу этих льдин, переступивших перфективную “утрату образа”. И, наконец, в четвертом – генеритивное философское обобщение в настоящем “вневременном”. Похожая композиция в стихотворении Тютчева “Как неожиданно и ярко...” и некоторых других. “Структуру стиха надо решать как проблему смысла, взятого как целое в движении” (В. Шкловский). Размах регистровых ступеней от репродуктивного до генеритивного в поэтических композициях Тютчева языковым анализом подтверждает философическую ориентированность его мысли, его восприятия мира, и – соответственно – его стилистики.

Иной регистровый состав, например, многих лирических стихотворений А.А. Фета. Его легкие, сладкозвучные строки ведут не к размышлениям о судьбах человечества, – отрадные или унылые картины природы, впечатления от смены времен года вызывают и смену эмоций, они *радуют* или *печалят*, *манят*, *тревожат*, *томят* его душу и души читателей:

Чудная картина, Как ты мне родна...
Как грусны сумрачные дни Беззвучной осени и хладной!..
Какая ночь! На всем такая нега!.. и т.п.

Репродуктивно-описательные фрагменты в стихах Фета обычно чередуются с информативно-оценочными или обрамляются ими.

«В композиции художественного произведения динамически развертывающееся изображение мира раскрывается в смене и чередовании разных форм и типов речи, разных стилей, синтезируемых в “образе автора” и его создающих», – писал В.В. Виноградов.

7. Итак, далеко не исчерпанные ресурсы развития грамматической науки можно видеть в усилении внимания к смысловому назначению языковых средств, к совершенствованию принципов систематизации, классификации структур на той же естественной смысловой основе (подобной системе частей речи) и в выходе за пределы предложения – в живую жизнь языка в тексте. Выявленная В.В. Виноградовым органическая связь грамматики и композиции, стилистики текста ведет к плодотворному сближению лингвистики и литературоведения в рамках филологических исследовательских задач.